

К ОНТОЛОГИИ СВОБОДЫ

Воеводин А.П.

г. Луганск

«...свобода единственная из всех идей спекулятивного разума, возможность которой хотя мы не постигаем, но знаем a priori, так как она есть условие морального закона, который мы знаем».

(Иммануил Кант)¹

«Когда говорят, что свобода состоит вообще в том, чтобы *делать все, что угодно*, то подобное представление свидетельствует о полнейшем отсутствии культуры мысли...»

(Г.В.Ф. Гегель)²

Теоретическое решение загадки свободы испытывает значительные трудности в связи с нерешенностью сформулированного Кантом парадоксального противопоставления каузальной необходимости процессов природы и необусловленной спонтанности ноуменального мышления. Феноменологически свобода действительно обнаруживает себя как противоречащий принципу всеобщего детерминизма произвол, но такой странный произвол, который приводит к появлению новых причинных закономерностей. Как известно, теоретические парадоксы появляются в результате неполноты знания. В теоретическом исследовании свободы недостаточность эмпирически подтвержденных фактических знаний усугубляется теоретико-мировоззренческой эклектикой, скандальным совмещением взаимоисключающих концептов материалистического детерминизма в объяснении природы и идеалистического понимания свободы в сфере духовной деятельности. Как результат здесь нет ответа на ключевой вопрос, каким образом свобода духовного выбора может превратиться в свободу материальной предметной деятельности, в том числе и свободу работы мозга? Традиционная трактовка свободы как познанной необходимости закрывает путь к пониманию свободы как основанного на познании господства над необходимостью. Теоретическое преодоление противоречия возможно посредством знаково-символической интерпретации процессов отражения, а также онтологического объяснения материальных механизмов свободного движения.

¹ Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. / М., «Мысль», 1965. (Философ. наследие).- Т. 4. Ч. I.- 544 с., С. 314.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990, С. 80.

Ключевые слова: возможность, детерминизм, закон, знак, необходимость, отражение, произвол, пустота, свобода, целесообразность.

В самом начале «Науки логики» Гегель сетует на трудность начала. Как он полагает, «трудно найти *начало* в философии» [3, с. 123], ведь начало не может быть случайным или произвольным, оно уже в истоках должно вмещать в себе все последующее развитие содержания, в том числе и свой собственный конец. Иначе говоря, философ, стремящийся быть объективным и понятым всеми, не может быть абсолютно свободным в определении начала. На это же указывает и цитируемая в эпиграфе мысль Гегеля.

Еще более трудным кажется начало философии свободы. Начиная известный опус «Что есть свобода?», Ханна Арентд высказывает внешне похожую, но противоположную по смыслу мысль: «Попытка ответить на вопрос, что есть свобода, кажется безнадежным предприятием. Похоже, что давние противоречия и антиномии затаились в ожидании подходящего момента, дабы загнать разум в ситуацию логической неразрешимости. Причем таким образом, чтобы независимо от того, какое из решений ... вы приняли, получить ответ было бы так же невозможно, как вообразить круглый квадрат» [4, с. 32].

Понятно, что трудность начала для Х. Арентд противоположна мучительному поиску Гегелем логического способа вместить конкретно-целостное и завершенное истинное знание в абстракцию начала, поскольку, как она справедливо полагает, такого теоретически завершенного знания свободы нет. Об этом же говорит и Гегель. Обращая внимание на туманность и неопределенность идеи свободы, он писал: «Ни об одной идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и потому действительно им подвержена, как об идее *свободы* и ни об одной не говорят обычно с такой малой степенью понимания ее» [5, с. 324]. А поскольку в истории философии не существует надежного теоретического способа решения загадки свободы, то, стало быть, изложение философии свободы приходится начинать не с самого начала, а с наиболее проблемного места в ее решении.

В существующей литературе теоретическое решение загадки свободы застыло в тисках кантовского противопоставления каузальной необходимости процессов природы и необусловленной спонтанности ноуменального мышления. За каждой из противоположных сторон сформулированной Кантом антиномии стоят множественные ряды их эмпирических подтверждений, на основе которых строится противоположность естественнонаучного и гуманитарного знания. Естественность подобного разделения, казалось бы, бесспорна и очевидна. Однако, не менее очевидна и его европейско-антропоцентрическая предвзятость, ограничивающая изучение свободы рамками исключительно индивидуальной человеческой деятельности и человеческого пространства. Как известно, европейская трактовка свободы (как «познанной необходимости») обязана своим происхождением сначала стоицизму (как «познания судьбы»), а затем христианской проблеме выбора и обусловлена осознанием моральной ответственности человека: «Эта *субъективная*, или *моральная* свобода есть то, что в европейском смысле по преимуществу

называется свободой. На основании ее права человек и должен, собственно, приобрести различия добра и зла вообще» [3, с. 321]. Однако подобное сведение проблемы свободы к субъективно-моральному выбору существенно ограничивает теоретический горизонт ее интерпретации хотя бы тем, что при таком подходе отрицается неисчислимо множество деятельных форм проявления свободы и не только в обществе, но также в животном и даже растительном мире³. И это тоже факт, который ставит под сомнение существующие теоретические концепты свободы и требует своего доказательного объяснения.

Противопоставление природы и антропоцентрически понимаемой свободы, а глубже – объекта и субъекта, является краеугольным камнем европейского мировоззрения или, как модно сейчас говорить, «объектно-ориентированной онтологии». Однако за этим противопоставлением скрывается сакраментальный, но очень неудобный для такой онтологии вопрос: если природа есть царство необходимости или объективных законов, в их независимости от сознания и воли людей, то каким же «чудесным» образом субъекту, живущему в объективно существующей среде, удастся быть независимым от этих объективных законов, свободно выбирать и, тем более, свободно действовать в причинно обусловленном мире?

Кант не смог преодолеть это противоречие. Для безусловного оправдания свободного теоретического мышления Кант в рамках своей системы был вынужден ввести странное понятие «свободной причины» и, тем самым, отказаться от последовательного научного взгляда на мир. Иначе говоря, признавая обусловленное существование эмпирического субъекта, Кант допускает возможность свободы («произвола» в его терминологии; как он полагает «...только *произвол* может быть назван *свободным*»⁴) для спонтанного теоретического мышления, как будто бы разум существует вне мозга и не имеет так же обусловленного разумного и чувственно-предметного смыслового содержания, как будто бы он существует в каком-то обособленном от природы и человеческого тела трансцендентном мире. И внятного объяснения этому нет. Есть лишь констатация банального факта: разум обладает способностью не только произвольно манипулировать смысловым (то есть, предметно детерминированным) содержанием образов сознания, но также и способностью создавать произвольные комбинации самих образов. В этом как раз и заключается его таинственная способность воображения и творчества. К тому же стоит напомнить, свободой обладает не только теоретическое, но и нравственное, религиозное, художественное, политическое и всякое другое, в том числе, инженерно-техническое и даже практическое мышление. В своем крайнем виде эта способность была

³ Как утверждает И. Кант «Понятие *свободы* – это чистое понятие разума, которое именно поэтому трансцендентно для теоретической философии, т.е. ему не может соответствовать ни один пример из возможного опыта...». Кант И. *Метафизика нравов*: В 2 частях / Пер. с нем., примеч. С.Я. Шейнман-Топшгейн и Ц.Г. Арзаканьяна. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – С.62. (400с.).

⁴ Указ. соч., с. 69.

акцентирована Сартром в его обосновании неантизирующей (отрицающей реальность) способности воображения.

Мировоззренческая непоследовательность или дуализм, которую допускает подобное объяснение загадки свободы, ведет к теоретическому парадоксу: если признавать за свободой сферу духовного выбора, мышления, творчества, а материальный мир описывать в категориях причинности, законов, необходимостей, то каким таинственным образом свобода нематериальных идей, духа может оказывать влияние на физические материальные причины предметного мира и, вообще, взаимодействовать с ним, то есть *каким образом свобода духовного выбора может превратиться в свободу материальной предметной деятельности, в том числе и свободу работы мозга?* Как известно, теоретически непротиворечивого решения данного парадокса не существует. Более того, если двигаться в логике последовательного материализма, то нужно предметно (физически конкретно) объяснить, как вообще возможна свобода выбора, если мир повсюду (в том числе и в содержании мышления) материально, а значит и причинно обусловлен? Если вслед за Марксом жизнь общества большинство исследователей рассматривает как материальный процесс, то, как, в таком случае, интерпретировать подобную теоретическую неувязку, которая допускает противоречащую материалистическому объяснению мира сферу свободы духовного выбора и оставляет лазейку для существования нематериального? Или моральная свобода не от мира сего?

В этом противопоставлении материалистически понимаемого детерминизма в интерпретации природы, общества, человеческого тела и индетерминизма человеческого сознания есть какая-то теоретическая недосказанность. Или банальная непоследовательность. Идеалистическое сведение моральной свободы к познанию не позволяет ответить на вопрос, как «дух побеждает материю»? Очевидно, что возможность подобной постановки вопроса свидетельствует о значительных теоретических трудностях и логической непоследовательности в его решении. Суть проблемы в том, что если понимаемая как «произвол» свобода, по утверждению Канта, представляет собой «не-обходимое» априорное условие, предзаданное *ratio essendi* (основание бытия) морального закона, а моральный закон есть *ratio cognoscendi* (основание познания) свободы человеческого существования [1, с. 314], *если свобода сама есть «не-обходимый» закон, то какова онтология закона свободы?*

Напомним, что смысл закона – в его объективности, закон – это форма или способ движения. Под законом принято понимать такой способ объективного взаимодействия вещей, который предопределяет его необходимый результат. *Свобода также представляет собой специфический способ и результат движения.* Но какой? Спонтанно нарушающий фаталистическую предзаданность причинно-следственной обусловленности физических форм движения и потому необъяснимый с точки зрения естественнонаучной интерпретации мира или же это какой-то особый тип движения, объяснение которого нуждается в иной научной парадигме или даже в принципе недоступно рациональному познанию? Является ли он всеобщим или присущ только человеку?

Христианская сентенция гласит: «Все предопределено, но выбор есть». В мировоззренческом плане это принципиально важное замечание. Если в философском смысле «предопределение» понимать, как взаимную обусловленность событий в мире, то что же в таком случае является сущностной предпосылкой и основой выбора? Трезвый ответ до банальности прост и очевиден – *разнообразие возможных взаимодействий*. Свободы, как особого типа движения, нет там, где нет ресурса возможностей. Первичной онтологической предпосылкой свободы как раз и является *возможность*, которая в материальном мире существует в виде свойств (вещей, явлений), взаимодействие которых превращает их потенциальные способности в реальную действительность. Возможности заложены в самом устройстве мира и являются следствием того, что материя существует не в виде цельного монолита, а в виде бесконечно разнообразного множества своих состояний. Предпосылки свободы как раз и обнаруживаются в существовании разнообразия возможных взаимодействий таких состояний, которое нарушает линейную экстраполяцию (механическое воспроизводство) существующего движения и трансформирует его. Теоретическая загадка свободы состоит в том, чтобы понять, как происходит предвосхищение результата возможных взаимодействий и на этой основе выбор и выделение одной из ряда возможностей в процессе превращения ее в действительность, как определяется вектор возможных взаимодействий?

Следующим объективным предопределяющим условием и предпосылкой свободного движения является наличие *пустоты*, обуславливающей реализацию возможностей – взаимодействия тел в процессе их *свободного механического перемещения в пространстве*. При всей философской сложности и даже кажущейся нелепости самой постановки вопроса о существовании пустоты (как небытия), нужно признать, что пустота существует как физический факт. Напомним, что ядро атома составляет до 99,9% его массы, но занимает всего лишь одну триллионную часть его общего объема. Масса электрона у атома водорода равна всего 0,0005 его общей массы, а водород, как известно самый распространённый элемент во Вселенной. На его долю приходится около 88,6% всех атомов (около 11,3% составляют атомы гелия, доля всех остальных вместе взятых элементов – порядка 0,1%) [6]. Сказанное означает, что *массу нельзя сводить к объему*. Собственный объем массы частиц (ядра и электронов) в составе атома настолько ничтожен, что в геометрическом плане его вообще можно не учитывать, а сам атом поэтому некоторые исследователи считают «пузырем пустоты» [7].

Весьма показательно с этой точки зрения соотношение вещества и пустоты в мировом пространстве. Плотность вещества в нашей Метагалактике 10^{31} г/см³, то есть, вещество занимает около одной десятиллионной доли мирового пространства. Один атом приходится на 3 м³ пустоты [8, с. 300]. Астрономы считают, что пространство между звездами в некоторых случаях состоит не более чем из одного атома или молекулы на кубический километр. По сути дела, Вселенная пуста, с точки зрения плотности известного и воспринимаемого нами материального субстрата. Однако наличие пустоты еще не означает отсутствие материальности. Пустота противоположна телесности или плотности вещества.

Пустота, в нашем понимании, есть то, что не взаимодействует с известным нам материальным субстратом. Об этом наглядно свидетельствует пример лишенного электрического заряда нейтрино, которое как бы «не замечает» телесные вещи, не взаимодействует с ними и проникает сквозь них «как сквозь пустоту». Вероятно, существуют различные виды структуры пустоты, в зависимости от устройства взаимодействующих вещей. Добавим к сказанному, что современная физика не знает пределов проницаемости известных физических объектов и даже внутри электрона предполагает сложную структуру.

Наличие пустоты позволяет вещам сохранять свою качественную определенность в процессе *свободного пространственного перемещения* или, что, по видимости, то же самое, сохраняя себя, обладать инерцией или механической формой движения. Пустота есть условие механического перемещения, изменения своего места в пространстве, при котором вещи сохраняют свою качественную определенность. *Свободное движение невозможно в отсутствие пустоты*. Жидкость не может перемещаться в полностью наполненной бутылке, а в твердом агрегатном состоянии тела неспособны растворять вещество. Однако пустота не абсолютна. Движение тел в жидкостях и газах происходит в результате расталкивания составляющих эти среды частиц по имеющимся пустым местам и освобождения пространства для движения тела. Количество механического движения определяет степень свободы одного тела в другом. Наличие препятствий для пространственного перемещения существенно ограничивает свободу повсюду – от космоса до границ общества и человеческого мышления.

В неживой природе коридор возможных взаимодействий обусловлен наличными обстоятельствами (или силами), в ситуации *равновесия* которых решающее значение приобретает случай. *Случайность* реализации возможностей – элементарный способ существования свободы в лишенном человеческого разума мире. Случайные взаимодействия и особенно следы такого взаимодействия чаще всего ведут к взаимному разрушению вещей, но в некоторых случаях, при условии равновесия взаимодействующих сил, они сопровождаются появлением и сохранением *устойчивых связей*, а, следовательно, ведут к усложнению взаимодействий и образованию новых, структурно более сложных связей и форм существования вещей. Их последующее устойчивое воспроизводство в общем балансе сложившихся сил принято именовать *необходимостью* или законом.

В свою очередь, взаимодействие сложно организованных вещей неизбежно сопровождается появлением результативных и сохраняющихся *следов* такого взаимодействия, которые неизбежно оказывают последующее влияние на способ движения самих вещей, на системное воспроизводство сложившихся связей и, в конце концов, *превращаются в необходимое условие их существования*. Тем самым, сохраняющиеся и аутовоспроизводимые *следы взаимодействия вещей обретают принудительную управляющую функцию*, которая устанавливает асимметричный вектор движения и эволюции в природе – чем больше следов, тем большее влияние они оказывают на организацию и определение вектора движения вещи, вплоть до появления ее негэнтропийного самодвижения.

Способность вещей сохранять и воспроизводить управляющие следы взаимодействия с другими вещами в теории получило название *отражение*. Как всеобщее свойство и *материальная предпосылка свободы*, отражение представляет собой способность вещей в своих особенностях воспроизводить некоторые структурные особенности других, воздействующих на них вещей. Отражение является неотъемлемой стороной физического взаимодействия. Специфика его в том, что вещи так взаимно трансформируют друг друга, что от одной из них к другой «как бы передаются» определенные *квазиформы*, соответствующие свойствам воздействующей вещи. Эти квазиформы, в виде следов взаимодействия вещей, запечатлеваются в своем носителе, сохраняются и повторяются при воспроизведении условий взаимодействия, влияя, тем самым, на характер движения и качественную устойчивость (качественную определенность) носителя таких следов [9, с. 7–8].

Принципиально важно подчеркнуть, что подобные квазиформы или следы отражения *не содержат ни грана материального субстрата, ни грана вещества или материальных особенностей своих прототипов*. След пятка в глине невозможно оторвать от самой глины, и ничего кроме глины он в себе не содержит, но, в то же время, след есть такая деформация глины, которая в свойствах глины *воспроизводит* некоторые физико-химические особенности пятка, является его структурным подобием. В этом контексте сам пятак, как причина появления следа, *трансцендентен* оставленному им следу в глине, не тождествен ему, что позволяет рассматривать след как онтологическую предпосылку, зачаточную протоформу знака и *декларировать знаково-символический характер* процесса любой, в том числе и психологической формы отражения. Данный факт категорически опровергает любые философские, психологические и паранаучные представления о «бестелесности смысла», «идеальности (нематериальности) сознания» или экзотическом «информационном субстрате» [10], что, в свою очередь, делает бессмысленными все паранаучные и религиозно-идеалистические представления о свободе. В пользу такого утверждения также свидетельствуют тесты Тьюринга, а также человекоподобная деятельность роботизированных устройств с искусственным интеллектом. Перевод смыслового содержания следов в цифровые структуры отнюдь не затрудняет выполнение целесообразных действий техническими устройствами.

Процессы усложнения структуры вещей с неизбежностью ведут к увеличению количества следов отражения, их специализации и возрастанию конкуренции возможностей влияния в определении вектора и способа движения своего носителя. С возникновением жизни из следов оформляются и структурируются особые материальные инструменты для восприятия повторяющихся внешних и внутренних воздействий – рецепторы, биологические интерфейсы, адаптированные к способу материального воздействия (хемо-, термо-, гео-, гидро-, фото- и пр.), а также адекватные раздражителю реакции или схемы ответного движения – тропизмы, настии, таксисы и т.п. По сути дела, живой организм представляет собой бесчисленное множество связанных между собой рецепторов. Только в живой клетке насчитывают тысячи оргanelл, каждая из

которых обладает собственными рецепторами. Тем самым закладываются предпосылки для преодоления безусловного автоматизма симметричного физико-химического реагирования на внешние воздействия и внутренние изменения вещи и появления решающей характеристики живого – свободной избирательности и активности. *Избирательность* представляет собой специфическую, то есть несимметричную, ответную реакцию на значимые для выживания изменения, *активность* – энергетическое несовпадение стимула и ответной реакции, что также может рассматриваться как энергетическая асимметрия, а, точнее, как положительная энтропия. Появление избирательности, как опережающего реальные взаимодействия отражения, позволяет предвидеть возможные результаты ответных реакций и чрезвычайно расширяет горизонт свободного самостоятельного движения организма в достижении биологических целей или, что то же самое, целесообразного движения.

С точки зрения естественнонаучного объяснения физического взаимодействия, *избирательность противоречит неизбежности действия физических законов природы – это произвол, начальная форма бытия живой свободы*, а именно: движение вопреки закономерной предзаданности физического фатализма, *телеологическое* преодоление физико-химического детерминизма. Научно непротиворечивое объяснение подобного произвола возможно только с точки зрения знаково-семиотической интерпретации следов отражения, в соответствии с которой смысловое и физиологическое содержание следа физически не тождественно вызвавшему его материальному действию, а совпадает с ним лишь структурно – образ горящей свечи не сжигает глаза или мозг. Но оно также не тождественно материальному носителю следа – мы видим вещи, а не нервы. Смысловое содержание следа является материальной перекодировкой, информационной транскрипцией воздействующего объекта. Такое допущение позволяет объяснить психологическую способность живого организма свободно и самостоятельно манипулировать следами и создавать их различные комбинации в своем воображении, не прибегая к внешнему физическому воздействию. *Свободный выбор вектора движения зависит от возможности целесообразного сравнения следов отражения*, установления наиболее значимого из них для целей организма и определения эффективной схемы ответной реакции. Способность самого выбора объясняется особенностями целесообразного психофизиологического движения – возможностью «перемещать» информационно-биологический код следа внутри своего носителя (нервной системы) и самостоятельно конструировать желательную комбинацию следов в соответствии с целевыми установками. Многокомпонентность и разделенность процесса отражения позволяет осуществлять *произвольные* манипуляции со «следами-знаками-образами», что равносильно появлению нового самостоятельного способа нервно-отражательного движения – психологического моделирования *возможных целесообразных композиций из следов отражения*, благодаря чему реализуется способность свободной и независимой ориентации не только в экологическом пространстве, но и во времени, благодаря появлению памяти как способности произвольной актуализации смыслового содержания следов.

Осуществление свободного целенаправленно-избирательного движения происходит не только благодаря специализации и выделению отражательных процессов из общей массы субстрата в относительно самостоятельный процесс (впоследствии в информационно-управляющий орган), но также и в связи с появлением психологической способности вещи (организма) целесообразно адекватно (избирательно) *реагировать на изменение формы следа*, благодаря физиологической возможности *рефлектировать* или *отделять состояние следа (его материально-знаковую структурную конфигурацию) от состояния всего тела* и осуществлять *оценку* влияния трансцендентных знаковой форме следа раздражителей на характер внутреннего и внешнего движения [9, 10]. Таким образом, конкуренция следов сопровождается тем, что, во-первых, определяющую роль в эволюции приобретает когнитивная *способность организмов к экспликации представленного в следах отражения внешнего или внутреннего (смыслового) содержания*⁵ для обеспечения более точной избирательной активности в целях устойчивого самовоспроизводства, самосохранения и самодвижения таких вещей, что, как известно, является существенными признаками-характеристиками жизни. Точнее говоря, следы становятся ведущим способом информационно-экологического существования, обуславливая устойчивость непрерывного самовоспроизводства вещей в той или иной среде. Во-вторых, управляющая функция следов неизбежно сопровождается их аксиологической специализацией относительно способа оценки характера влияния внешнего материального воздействия и внутренних изменений на способность вещи к самосохранению, в том числе разделением на условно положительные (сохраняющие устойчивость воспроизводства вещи) и условно отрицательные (затрудняющие такое воспроизводство и позволяющие избежать негативного воздействия). Тем самым закладываются естественные механизмы *протооценки* смыслового содержания следов относительно целевой функции самосохранения вещи. Свободное телеологическое самодвижение невозможно без оценки содержания следов отражения в границах соответствия «цель – средство». А для этого необходима, во-первых, способность воспроизводства и удержания следов в памяти, а, во-вторых, возможность *предвидения* («познания необходимости») ожидаемых объективных результатов моделируемого в знаково-образной системе психики сценария целесообразного взаимодействия реальных вещей, чтобы произвольно сконструировать и выбрать наиболее эффективный способ сочетания физических закономерностей достижения цели, составить схему-модель свободной целесообразной деятельности.

Итак, свободная конкуренция информационного содержания следов в повышении способности к самосохранению и самовоспроизводству вещи сопровождается появлением целенаправленного движения. Способность к *целесообразному использованию следов* приобретает необратимый характер и

⁵ В современной терминологии этот процесс принято именовать информацией, которая, по утверждению академика М.В. Поповича, представляет собой когнитивный процесс «экспликации смысла». / Мирослав Попович. - Аналітична філософія культури / Культурологічна думка – 2009 р., № 1. С.11. (9-18).

становится доминирующим элементом эволюции. Целесообразность, особый вид направленной *самоорганизации* внутренней и внешней, энергетической и предметной среды, в котором доминирующие в неорганической природе *причинно-следственные отношения становятся частью более сложной векторно-телеологической принудительности в отношениях «цель – средство»* [9, 11]. Таким образом, целесообразные процессы надстраиваются над рефлектируемыми в следах причинно-следственными, включают их в себя, невозможны без них, но выглядят загадочными, поскольку не редуцируемы к ним. Кантовское противопоставление детерминизма и свободы преодолевается тем, что причинные связи не отрицаются, но структурно отображаются в знаково-смысловом содержании образов и произвольно сопоставляются с точки зрения эффективности достижения цели, поскольку лишены естественной качественной материально-предметной определенности.

При этом объективная обусловленность причинно-следственных связей усложняется и дополняется такими же, не менее объективными и не менее принудительными необходимостями целесообразных связей. Знаково-семиотические когнитивные и аксиологические способности живого организма позволяют свободно проектировать возможные сочетания физических взаимодействий, а в процессе их объективации и опредмечивания в предметной деятельности – практически избирательно и свободно выстраивать целесообразно организованную цепь детерминаций для достижения необходимых для жизни результатов, то есть осуществлять господство над необходимостью. Тем самым способность произвольного психофизиологического, в последствии и социокультурного манипулирования следами, естественным образом встроена в процесс жизнедеятельности, является неустрашимым элементом и законом свободного целесообразного движения, а свобода приобретает форму необходимости.

Литература

1. И. Кант. Критика практического разума // Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. - М., "Мысль", 1965. (Философ. наследие).- Т. 4. Ч. I.- 544 с. - С.311-501.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М., «Мысль», 1970. – 501 с.
4. Ханна Арндт. Что есть свобода? - / - Вопросы философии. 2014 № 4. - С. 32-49.
5. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. Отв. Ред. Е.П. Ситковский. Ред. Коллегия: Б.М. Кедровский и др. / М., «Мысль», 1977, - 471с.

6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Водород#cite_note-greenwood-7
7. В.А. Илюшин. Физические основания геометрии - / Эл. ресурс: http://samlib.ru/i/iljushin_w_a/geometry.shtml
8. Силк, Джозеф. Большой взрыв : Рождение и эволюция Вселенной / Дж. Силк; Пер. с англ. А. Г. Полнарева. - М. : Мир, 1982. - 391 с.
9. Воеводин А.П. Информация и смысл. / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского / Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 27(66), № 3, 2014 г. - С. 3 - 19.
10. Янковский С. Я. Концепции общей теории информации. / <http://inftech.webservis.ru/it/information/ar2.html>
11. Мирослав Попович. - Аналітична філософія культури / Культурологічна думка – 2009 р., № 1. С.11. (9-18).
12. Штайнер, Рудольф. Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественнонаучному методу. - / - Ереван : Ной, 1993. - 228 с.

A. P. Voevodin. Towards an ontology of freedom

The theoretical solution of the riddle of freedom is experiencing considerable difficulties due to the unsolved paradoxical opposition formulated by Kant to the causal necessity of the processes of nature and the unconditioned spontaneity of noumenal thinking. Phenomenologically, freedom, indeed, reveals itself as an arbitrariness contrary to the principle of universal determinism, but such a strange arbitrariness that leads to the emergence of new causal laws. As you know, theoretical paradoxes appear as a result of incomplete knowledge. In the theoretical study of freedom, the lack of empirically confirmed factual knowledge is aggravated by the theoretical and ideological eclecticism, the scandalous combination of mutually exclusive concepts of materialistic determinism in explaining the nature and idealistic understanding of freedom in the sphere of spiritual activity. As a result, there is no answer to the key question, how can the freedom of spiritual choice turn into the freedom of material objective activity, including the freedom of the brain? The traditional interpretation of freedom as a cognized necessity closes the way to the understanding of freedom as a knowledge-based domination over necessity. Theoretical overcoming of the contradiction is possible through the sign-symbolic interpretation of reflection processes, as well as an ontological explanation of the material mechanisms of free movement.

Keywords: opportunity, determinism, law, sign, necessity, reflection, arbitrariness, emptiness, freedom, expediency.

References

1. I. Kant. Critique of Practical Reason // Kant, Immanuel. Essays in six volumes. - M., "Thought", 1965. (Philosopher. legacy).- T. 4. Part I. - 544 S. - S. 311-501.
2. Gegel ' G. V. F. Philosophy of law. Per. with it.: Ed. and comp. D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants Ed.; introd. article and notes. V. S. Nersesyants. – M.: Thought, 1990. – 524 p.
3. Hegel G. V. F. Science of logic. In 3 volumes. Vol. 1. M., "Thought", 1970. - 501 p.
4. Hannah Arendt. What is freedom? - / - Questions of philosophy. 2014 No. 4. - pp. 32-49.
5. Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences, vol. 3. Philosophy of the Spirit. Resp. Ed. E. P. Sitkowski. Ed. Collegium: B. M. Kedrovsky et al. / M., "Thought", 1977, - 471s.
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Hydrogen#cite_note-greenwood-7
7. V. A. Ilyushin. Physical bases of geometry - / Electronic resource: http://samlib.ru/i/iljushin_w_a/geometry.shtml
8. Silk, Joseph. The Big Bang: The Birth and Evolution of the Universe / J. Silk; Translated from English by A. G. Polnareva. - Moscow: Mir, 1982. - 391 p.
9. Voevodin A. P. Information and meaning / Scientific notes of the Tauride National University named after V. I. Vernadsky / Series " Philosophy. Cultural studies. Political science. Sociology". Volume 27 (66), No. 3, 2014-p. 3-19.
10. Yankovsky S. Ya. Concepts of general information theory. / <http://inftech.webservis.ru/it/information/ar2.html>
11. Miroslav Popovich. - Analitichna filosofiya kulturi / Kulturologichna dumka-2009 p., No. 1. p. 11. (9-18).
12. Steiner, Rudolf. Philosophy of freedom. The main features of a modern worldview. The results of mental observations by the natural science method. - / - Yerevan: Noi, 1993. - 228 p.